

© *О.И. Секенова*

ДОХОД ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПАТТЕРНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье рассматривается трансформация профессиональной повседневности русских женщин-историков второй половины XIX – 20-х годов XX в. через призму изменения дохода от профессиональной деятельности и особенностей экономического поведения. На основании эго-источников, официальных документов о заработной плате научных работников и сохранившихся в архивах тетрадей, в которых женщины фиксировали поступление и расходование денежных средств, можно проанализировать влияние карьерных изменений на семейный бюджет первых исследовательниц. Генерационный подход позволяет увидеть различия в экономическом поведении женщин-историков разных поколений: если во второй половине XIX в. занимавшиеся литературной или предпринимательской деятельностью интеллектуалки искали возможности для заработка с помощью публикаций, то в конце XIX – начале XX в., когда женщины институализировались в академической среде, они вынуждены были работать в условиях жесткой конкуренции как с мужчинами, так и с другими выпускницами Высших женских курсов. Почти у всех исследовательниц с приходом советской власти резко ухудшилось финансовое положение, только немногие смогли сохранить преподавательскую работу. Лишь в середине 1920-х годов материальное положение ученых, в том числе женщин-историков, улучшилось. Тем не менее социальная нестабильность и необходимость совмещать научную работу и работу по дому негативно влияли на профессиональный рост и развитие женщин-ученых.

Ключевые слова: *женщины-историки, экономическое поведение, история повседневности*

Для цитирования: *Секенова О.И. Доход от профессиональной деятельности и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 201–214.*

Великие реформы Александра II и появление в 1869–1872 гг. первых Высших женских курсов открыли дорогу к образованию многим девушкам, мечтавшим о научной карьере. Молодые исследовательницы сразу же столкнулись с серьезными финансовыми трудностями, разделив их с теми, кого Ф.М. Достоевский называл

Секенова Ольга Игоревна – старший преподаватель, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (300026 Тула, пр-т Ленина 125, корп. 4, Тула). Эл. почта: jkzkray@mail.ru
* Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИАЭ РАН

тою многочисленную, вечно нуждающуюся и несчастною частью нашей учащейся молодежи обоего пола, которая, в столицах, по обыкновению, с утра до ночи обивает пороги разных газет и журналов, не умея ничего лучше выдумать, кроме вечного повторения одной и той же просьбы о переводах с французского или о переписке (*Достоевский* 2008: 18).

Многие первые русские женщины-историки параллельно с учебой или научными исследованиями вынуждены были зарабатывать на жизнь. Настойчивость, трудолюбие и стремление превзойти коллег позволили им добиться успеха в профессиональной сфере и повысить свой доход. Сегодня исследователи проявляют интерес не только к процессу вхождения женщин в русские академические круги и их становления как ученых, но и к различным аспектам повседневной жизни интеллитуалок, и к тем сложностям, с которыми они сталкивались на своем пути.

В данной статье рассматриваются основные паттерны экономического поведения женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. в отношении поиска путей заработка, распоряжения личными доходами и управления семейным бюджетом. Практики хозяйственного поведения и распределения денежных средств в российской академической среде этого времени исследованы слабо (среди редких удачных примеров хочется выделить работу А.Л. Зорина и Е.С. Корчминой (*Zorin, Korchmina* 2018]), в которой наряду со структурой доходов и трат Н.М. Карамзина во время его заграничного путешествия проанализированы и повседневность, и мировоззрение выдающегося историка). Работы, изучающие обыденные экономические практики, материальное положение, льготы и привилегии ученых советской эпохи, также встречаются достаточно редко (см., напр.: *Пушкарева* 2016; *Долгова* 2020; *Сидорова* 2017). Л.А. Сидорова в своей монографии 2008 г. предложила использовать генерационный подход к изучению трех поколений русских ученых (*Сидорова* 2008). Под «генерацией» (поколением) автор понимает «общность специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью» (Там же: 13). Три поколения это: дореволюционные историки, «красные профессора» и послевоенное поколение ученых. Генерационный подход, безусловно, применим и к анализу профессиональной деятельности женщин-историков; условно их также можно разделить на три поколения (*Пушкарева* 2012). Первое (рожденные в 1835–1870 гг.) – выпускницы Высших женских курсов и талантливые самоучки; их было совсем немного (не более десяти). Наиболее яркими представителями этой когорты ученых являются А.О. Ишимова, Е.Н. Щепкина и П.С. Уварова. Второе поколение (рожденные в 1870–1895 гг.) – также в основном воспитанницы Высших женских курсов из разных городов Российской империи (не менее 60 человек), получившие практический опыт научной и преподавательской работы до революции. Третье поколение (рожденные в 1895–1925 гг.) – «красная профессура», т.е. те, кто получил историческое образование в советских вузах до Великой Отечественной войны. Безусловно, критерий возраста в этом разделении вторичен, гораздо важнее социальные связи и исследовательский опыт, приобретенный как в период учебы, так и во время работы в научных и образовательных организациях.

Информацию о практиках ведения личного/семейного хозяйства женщинами-историками мы находим в эго-документах: опубликованных воспоминаниях А.О. Ишимовой (*Быков* 1878) и П.Я. Литвиновой (*Спаська* 1928) (записанных с их слов и со слов близких родственников), Н.А. Белозерской (*Белозерская* 1913) и П.С. Уваровой (*Уваро-*

ва 2005) (написанных лично), а также в хранящихся в архивах записях Е.Н. Щепкиной (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1, 3) и Н.Д. Флиттнер (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4, 6). в распоряжении исследователей есть делопроизводственные документы (в частности, данные о заработной плате преподавателей Бестужевских Высших женских курсов (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 45–46, 160–162]), а также интересный и редкий источник – дневник расходов и доходов академика М.В. Нечкиной (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272). в эго-документах русских женщин-историков вопросы семейного бюджета занимают важное место, мало говорят о «денежных» делах только дамы обеспеченные (напр., графиня П.С. Уварова, унаследовавшая состояние мужа, или Е.Н. Щепкина – первая преподавательница русской истории на Высших женских курсах, поддерживаемая отцом – успешным чиновником-либералом). Представительницы «первого поколения» нередко стояли перед выбором: следовать традиционной гендерной модели и полностью зависеть финансово сначала от отца, потом от супруга или выбрать путь свободы, попытавшись без поддержки мужчин найти себе место в мужском академическом мире. Понимание ими эмансипации было неразрывно связано с возможностью самостоятельно обеспечивать себя, с признанием в научном сообществе и независимостью от мужей и отцов.

Примечательно, что в мемуарах, опубликованных в дореволюционную эпоху и адресованных самой широкой аудитории, женщины-ученые, не стесняясь, подробно описывали свое материальное положение. в воспоминаниях исследовательниц советской эпохи, опубликованных в 1990–2000-е годы (см., напр.: *Гутнова* 2001; *Житомирская* 2008), практически нет упоминаний о личных/семейных финансах: разговоры о материальном видятся им неприличными. Изменение экономического положения семей ученых можно оценить лишь по косвенным признакам: улучшение жилищных условий, поездки в зарубежные командировки, иные привилегии, которыми пользовались советские труженики науки (*Пушкарёва* 2016: 70–72).

Исследовательская работа первых русских женщин-историков как бизнес-проект

О том, что профессиональные занятия историей стали для них выходом из тяжелого финансового положения, писали сразу несколько женщин-исследовательниц первого поколения. Так, А.О. Ишимова (1804–1881), создательница знаменитой «Истории России в рассказах для детей», в 14-летнем возрасте последовала за отцом, проигравшим судебную тяжбу родственнику всесильного государственного деятеля А.А. Аракчеева, в ссылку в Усть-Сысольск (сегодня – Сыктывкар), а затем в Никольск Вологодской губернии (сегодня – Вологодская обл.). Она вспоминала:

Квартира, которая давалась нам от города и отводилась по выбору городничего, состояла из двух комнат в нижнем этаже вровень с землею, городничий уверял, что это только на несколько дней и что дана будет лучшая квартира, но эти несколько дней продолжались с полгода. Наконец дана была другая, но в этой другой, с наступившей зимою было так холодно, что и родители наши, и мы с братом не снимали теплых сапогов, ни даже шуб наших (*Быков* 1878: 318).

Казенного содержания отцу назначено не было, и все семейство осталось без средств к существованию; кроме того, место ссылки постоянно менялось. в этих условиях Александра Осиповна поставила перед собой задачу: освоить профессию, которая могла бы приносить более-менее постоянный доход.

Так, А.О. Ишимова (узнав, предположительно, из книги французской писательницы С. Коттен об истории «Параши-сибирячки» – П.Г. Луполевой, девушки, пришедшей пешком из Сибири в столицу, чтобы хлопотать об освобождении отца; П.Г. Луполева, по одной из версий, послужила прототипом Маши Мироновой из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина) приняла решение поехать в Санкт-Петербург и заняться там семейными делами. Выспросив у Александра I дозволения отцу жить в Архангельске (губернском городе, где, имея репутацию знающего юриста, он мог обеспечивать себя сам), А.О. Ишимова обосновалась с матерью в Петербурге и открыла пансион на 20 учеников, каждый из которых платил 12 руб. в месяц. Пансион просуществовал недолго – до первой проверки, поскольку был открыт «без формального дозволения» и не соответствовал требованиям министерства просвещения. Александра Осиповна приняла решение сменить сферу деятельности и занялась переводами с французского: первым опытом стала книга философа-моралиста и историка И. Дроза «Искусство быть счастливым» (Дроз 1831). Работа была опубликована и даже принесла переводчице небольшие деньги. Следующим стал перевод романа Ф. Купера «Красный морской разбойник» (Купер 1831). Необходимо отметить, что, хотя работа над каждым переводом длилась долго (до 1 года), гонорара хватало на приличную жизнь и самой А.О. Ишимовой, и ее родителям. Часть денег Александра Осиповна тратила на свое образование. Так, она наняла лучшего в Санкт-Петербурге преподавателя английского языка, надеясь тем самым повысить свою востребованность на рынке труда: французский язык знали многие, и недостатка в переводчиках не было, а вот с английским ситуация была гораздо хуже. Перевод книги для юношества «Семейные вечера» (Эйкин 1833) стал поводом для встречи А.О. Ишимовой с дочерью Павла I великой княгиней Еленой. А одна из сановных знакомых переводчицы предложила ей написать русскую историю для детей в духе рассказов по истории Англии В. Скотта. Александра Осиповна работала над новой книгой шесть лет. Первые 25 рассказов «Истории России в рассказах для детей» она показала поэту М.А. Плетневу, который преподавал историю литературы будущему императору и великим князьям; рукопись была прочитана на одном из уроков. Результатом стало денежное пособие, назначенное для продолжения труда, что позволило писательнице не думать о поиске средств на жизнь. Книга была благосклонно принята публикой, а Александра Осиповна получила ежегодную пенсию от императрицы (400 руб.), а в 1840 г. почетную неправомерную награду – Демидовскую медаль в области педагогики (и половинную премию – 2500 руб.) (Общий обзор... 1866). После выхода «Истории России в рассказах для детей» А.О. Ишимова могла не волноваться о своих доходах, более того, на собственные средства она издавала два журнала для девочек. История Александры Осиповны выглядит как цепь счастливых случайностей, тем не менее именно благодаря своим целеустремленности и желанию вырваться из бедности, опираясь лишь на интеллектуальные возможности, она достигла больших успехов в профессии и получила широкое признание в литературных и академических кругах России. Примечательна структура распределения финансовых средств писательницы: не получившая систематического образования А.О. Ишимова тратила значительные суммы на свое развитие; существенная часть денег шла на обеспечение не только самой Александры Осиповны, но и ее престарелых родителей. Первые русские женщины-историки должны были обладать и предпринимательскими способностями, лишь в этом случае они могли рассчитывать на публикацию своих работ.

Этнограф и историк П.Я. Литвинова (Бартош) (1833–1904), также как и А.О. Ишимова, была вынуждена самостоятельно зарабатывать на жизнь, занимаясь литературной и исследовательской деятельностью. Мать десятерых детей, она находилась в постоянном конфликте с супругом и жила отдельно от него. Общение с женщинами из среды киевской интеллигенции вдохновило ее на написание статей по истории и этнографии украинского народа в журналы «Киевлянин» и «Киевская старина». А в 1877 г. П.Я. Литвинова решилась издать собранную ею значительную коллекцию изображений народного орнамента. Так как на финансовую поддержку мужа или друзей рассчитывать она не могла, деньги на печать альбома пришлось занять у знакомого – некоего Шуругова (вероятно, речь идет о черниговском историке М.Ф. Шуругове). П.Я. Литвинова, не слишком сведущая в издательских делах, была не раз обманута издателями. Сначала редактор и основатель издательства «Киевский народный календарь» А.Ф. Андрияшев, как вспоминала сама Пелагея Яковлевна (*Литвинова 1877*), выдал текст ее учебного пособия за собственное творчество (*Андрияшев 1875*), затем вынужденная сама распространять свои книги из-за конфликта с издателем Бецем она воспользовалась помощью некоего студента, предложившего перепродавать книги в Санкт-Петербурге – студент «сначала присылал книги, потом исчез, оставшись должным 200 рублей» (*Спаська 1928*: 188). Тем не менее опубликованные статьи П.Я. Литвиновой привлекли внимание издателей, и Пелагея Яковлевна получает постоянную работу в журналах «Киевская старина», «Заря», «Киевское слово» и др. При этом финансовой стабильности удалось достичь только после получения в 1886 г. наследства (усадьбы). Несмотря на то что женщина увлеченно занималась хозяйственными делами, она не оставляла и свою этнографическую деятельность. Для П.Я. Литвиновой, которая принципиально старалась обходиться без поддержки мужа, литературная работа в журналах стала своего рода компромиссом между желанием самореализоваться в качестве ученого и необходимостью обеспечивать себя и поддерживать своих детей.

Ярким примером того, как первые русские женщины-историки зарабатывали на жизнь исследованиями, может служить деятельность Н.А. Белозерской (1838–1912). В 1867 г. Надежда Александровна приняла решение уйти от мужа и вынуждена была думать о том, как прожить с тремя детьми, которым она стремилась дать образование. Женщина отвезла детей в имение матери, сама поселилась в Петербурге у подруги (вместе снимали меблированную комнату, хозяйин которой «пил запоем») и начала зарабатывать частными уроками и переводами; параллельно она готовилась к сдаче экзамена на звание домашней учительницы. Преподавание приносило ей огромное удовольствие, но переводы ценились выше, более того, можно было работать дома и не тратить время на дорогу. Жили подруги голодно и бедно:

...обыкновенно на обед выдавался на всех вместе с прислугой один рубль. Обед состоял из небольшого количества супа с крупой, довольно водянистого, и из разваренной в супе говядины с картофелем, или с рисом, или с брюквой. Ели усердно, потому что завтрака и ужина не полагалось; кроме того, уничтожали много хлеба за чаем (*Белозерская 1913*: 931).

Хотя Н.А. Белозерская считала, что могла бы сэкономить на прислуге, 15-летняя горничная, писала Надежда Александровна в своей автобиографии, «объявила, что не расстанется со мной, и будет служить без жалованья, да и я не могла себе представить, что можно жить без горничной, но скоро поняла» (*Белозерская 1913*: 930).

Переводов становилось все больше – рабочий день Н.А. Белозерской длился 14 час., и лишь летом она устраивала себе отпуск на три месяца – уезжала к детям в деревню. Через несколько лет Надежда Александровна, получая до 80 руб. в месяц, почитала себя «совсем богатой» и перевезла двух старших детей и младшую сестру в город на отдельную квартиру. Хотя поначалу жили они в сырых и темных комнатах, без конца меняли их, терпели всякие лишения, уровень жизни постепенно рос (*Белозерская* 1913: 932). С работой помогла писательница М.А. Вилинская (псевдоним Марко Вовчок): редактируя несколько литературных журналов, печатавших зарубежную литературу, она для работы зачастую нанимала женщин, оказавшихся в сложной ситуации, а сделанные ими переводы подписывала своим именем. После скандала, связанного с обвинениями в плагиате, Марко Вовчок закрыла журнал (*Лобач-Жученко* 1983: 348). Хотя Н.А. Белозерская сумела сохранить добрые отношения со всеми участницами конфликта, она вынуждена была искать новую работу. На помощь ей пришел друг семьи – замечательный русский историк Н.И. Костомаров. в течение пяти лет Надежда Александровна исполняла обязанности его домашнего секретаря: поскольку ученый страдал заболеванием глаз, она делала выписки в Публичной библиотеке, составляла аннотации книг, писала под диктовку. Н.И. Костомаров отдавал ей третью часть своих доходов, что, судя по автобиографии исследовательницы, составляло весьма приличную сумму. Кроме того, Н.А. Белозерская училась у известного ученого исследовательской работе и анализу исторических источников (*Белозерская* 1913: 933). Но через пять лет, когда Н.И. Костомаров отказался от ее услуг, «пришлось начинать заново. Уроки, литературные работы ушли от меня – просить работы, хлопотать о себе было тяжело» (*Белозерская* 1913: 933). в этот период историк Д.Л. Мордовцев предложил Надежде Александровне писать рецензии для журнала «Древняя и Новая Россия» – предполагалось, что ее работы он будет выдавать за свои, «потому что не примут иначе – я женщина, и это первый случай» (*Белозерская* 1913: 933). Д.Л. Мордовцев даже придумал для ее публикаций особый псевдоним. Через некоторое время псевдоним был открыт издателю журнала С.Н. Шубинскому, тот приехал к Надежде Александровне и предложил ей стать штатной сотрудницей «Исторического вестника» (в журнале она занималась переводами исторических романов). Н.А. Белозерская была востребованным автором: она писала небольшие исследовательские работы и рецензии для «Русской старины», «Живописной России», брала интервью для составления автобиографий – «исповедывала стариков». За солидное вознаграждение (200 руб.) она выступила редактором второго издания книги М.И. Семевского «Царица Прасковья по новым материалам» (*Семевский* 1883): «...о моем имени, конечно, не было упомянуто», – писала Н.А. Белозерская в своей автобиографии (*Белозерская* 1913: 934). Надежда Александровна гордилась тем, что смогла самостоятельно себя обеспечивать, и тем, что под последующими публикациями начиная с 1886 г. стояло ее настоящее имя.

Говоря о женщинах-историках первого поколения, хочется отметить, что если для С.К. Брюлловой, Е.О. Лихачевой, П.С. Уваровой, выросших в состоятельных и знатных семьях, исторические исследования были хобби и способом самореализации, то для А.О. Ишимовой, А.Я. Ефименко, Н.А. Белозерской, П.Я. Литвиновой, О.А. Петерсон они служили одним из основных источников дохода, наряду с преподавательской деятельностью и/или литературной работой в журналах. Из этой когорты выделяется Е.Н. Щепкина (1854–1938). Будучи единственной дочерью уфимского, а позднее архангель-

ского губернатора (*Кантимирова* 2018: 145) и Правительственного комиссара Кавказских минеральных вод Н.П. Щепкина, Екатерина Николаевна не нуждалась в деньгах. Именно поэтому она не могла позволить себе занять место в каком-либо учебном заведении для девочек – тем самым она отобрала бы возможность заработка у другой образованной, но небогатой женщины (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 102–107). Е.Н. Щепкина постоянно совершенствовала свое историческое образование (на Московских и Петербургских Высших женских курсах, а затем и в Сорбонне), она стала первой женщиной, приглашенной преподавать на Высших женских курсах (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 60). Вслед за Екатериной Николаевной в Москве и Петербурге в сфере женского высшего образования появились и другие женщины-преподавательницы.

Заработок исследовательниц, занятых в этой сфере, был достаточно высок. Так, после получения звания профессора А.Я. Ефименко (1848–1918) было назначено жалование 300 руб. в месяц (С.Ф. Платонов, первый директор Женского педагогического института в Санкт-Петербурге, особенно настаивал на такой сумме, говоря о том, что Александре Яковлевне необходимо содержать детей и больного мужа) (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58). Другие преподавательницы также зарабатывали не меньше коллег-мужчин (жалование за работу на курсах составляло от 200 руб. в месяц) (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58) – совмещая работу в разных учебных заведениях или увеличивая «часы», они могли повысить свой месячный доход до 400 руб. (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58), тогда как средняя заработная плата женщин-преподавателей в средних учебных заведениях составляла 900 руб. в год (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58) при неизмеримо более высокой преподавательской нагрузке, не оставлявшей времени для исследовательской работы.

«Не съест ли кусок хлеба меня саму?»: экономические трудности второго поколения русских женщин-историков

Представительницы второго поколения русских женщин-историков иногда использовали карьерные траектории, проложенные предшественницами, существовавшими в несравнимо более сложных условиях. Тем не менее в своей профессиональной деятельности исследовательницы, отнесенные нами к этой группе, сталкивались с гораздо более высокой конкуренцией. Все более серьезные требования к квалификации женщин, желавших заняться наукой, вынуждали их к серьезным денежным вложениям на начальном этапе. Петербургские профессора, оставлявшие лучших учениц при курсах «для усовершенствования в изучении» (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 2) (по аналогии с «оставлением при университете для приготовления к профессорскому званию» выпускников университетов), настойчиво рекомендовали им ехать учиться за границу хотя бы на год для повышения своей квалификации. Хотя профессора старались помочь девушкам, обеспечивая некоторых стипендиями, нередко случались накладки, связанные с противодействием Министерства просвещения, и бывшие курсистки могли остаться одни в чужой стране без средств к существованию (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 94). в итоге, хотя формальных ограничений для работы женщин в качестве исследователей/преподавателей на курсах становилось все меньше, успеха добивались в первую очередь те, кто был обеспечен и чьи родители одобряли их профессиональный выбор (многие представительницы второго поколения женщин-историков родились в профессорских семьях – О.А. Добиаш-Рож-

дественнская, И.И. Любименко, М.И. Лот-Бородина, Е.Ч. Скржинская и др.). Примером строительства карьеры без начального капитала может быть деятельность замечательного египтолога Н.Д. Флиттнер (1879–1957), вынужденной зарабатывать на пропитание во время учебы:

Кончая институт, я не строила себе иллюзий на будущее, я знала, что мне придется работать усиленно ради хлеба насущного. Но где-то в отдаленном будущем передо мной вставали миражи дальних стран, мне слышался гул морских валов, великие имена Гумбольдта, Шлимана и их славные судьбы сулили и мне возможности иной работы, чем преподавание немецкого языка в церковной школе, открывали безграничные горизонты впереди (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 223–224), –

с этими мыслями Н.Д. Флиттнер с одобрения родителей пошла учиться на Высшие женские курсы. После болезни и смерти отца – петербургского врача Д.Б. Флиттнера, ей как старшей дочери пришлось содержать семью, бегая по ученикам (мать вела общее хозяйство), поэтому многие занятия на курсах девушке приходилось пропускать. в 1900–1901 гг. частными уроками Наталия Давидовна зарабатывала около 20 руб. в месяц, а 30 руб. считались очень высоким доходом (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 213). Даже во взрослом возрасте Н.Д. Флиттнер полностью подчинялась воле матери в вопросах планирования расходов (ей было уже 32 года, а мать продолжала контролировать ее личные траты и попрекала «раздачей денег» в долг). Работая в двух учебных заведениях (гимназии и женском коммерческом училище Хворовой), весь основной заработок Наталия Давидовна отдавала в семейную кассу (на хозяйство и приданое младшим сестрам), а деньги от частных уроков копились для учебы в Берлине (по протекции научного руководителя, египтолога Б.А. Тураева) и на иные личные расходы. Мать упрекала старшую дочь, что та «набирает работы сверх сил» (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 73), при этом Н.Д. Флиттнер с горечью вспоминала, как мать не дала ей (32-летней) 60 коп. на посещение лекции Андрея Белого, и девушке пришлось занимать у прислуги (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 173). Развлечения (поход в театр, на лекцию или в кондитерскую) исследовательница позволяла себе не чаще одного раза в месяц, а чтобы купить книгу, бегала по урокам по всему Петербургу пешком (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 173). Свое свободное время (а его оставалось очень мало) Н.Д. Флиттнер посвящала изучению египтологии в кружке Б.А. Тураева. Понимая, что не сможет отказаться от такой интенсивной работы из-за семьи, она с горечью замечала: «Обычная вещь для каждого человека есть свой кусок хлеба, вот менее обычно для человека спрашивать себя: а не съест ли кусок хлеба меня саму?» (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 66). Тем не менее карьера Н.Д. Флиттнер сложилась успешно: неоднократные поездки в научные командировки в Германию, защита магистерской диссертации в Санкт-Петербургском университете. в конце концов, уже после Великой русской революции 1917 г., исполнилась мечта Наталии Давидовны – она получила работу в Эрмитаже.

Оптимистичные воспоминания Н.Д. Флиттнер о революционных годах, наполненные радостью от творческой самореализации, резко контрастируют с мемуарными текстами ее коллег. Почти у всех исследовательниц второго поколения с приходом советской власти резко ухудшилось финансовое положение. Те из них, кто принял решение остаться в России и не менять сферу деятельности, столкнулись с новыми жизненными реалиями: отсутствием литературной и преподавательской работы, голодом, бытом

без домашних помощниц – все это мешало творческому процессу. И.И. Любименко, изучавшая англо-русские отношения в раннее новое время, писала в своем дневнике о тяжелых 1918–1920 гг.: «Два с половиной года без прислуги, когда я была физической работницей в доме, утомили меня физически» (СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 336); к продуктивной исследовательской работе Инна Ивановна смогла вернуться только после того, как разрешились бытовые проблемы. Женщины-интеллектуалки вынуждены были жить в режиме жесткой экономии. в связи с этим И.Н. Нюберг, дочь математика Н.И. Нюберга, вспоминала об изменении быта и повседневных привычек своей бабушки по отцу – историка и преподавателя латыни и древнегреческого Софьи Николаевны Нюберг-Кашкиной; жившая в ее доме в качестве прислуги Мария фон Польшман (девушка «из бывших», которая впоследствии вышла замуж за сына хозяйки) в 1921 г. была поражена, что столь образованная и знатная дама заставляла ее штопать чулки – по ее мнению, их следовало не штопать, а выбрасывать (Нюберг б.г.).

Тетради доходов и расходов как источник по истории академической повседневности

Изменение к лучшему тяжелого финансового положения научных работников началось в середине 1920-х годов. Историческим источником, раскрывающим особенности ведения семейного бюджета русскими женщинами-учеными, служат тетради доходов и расходов. Поскольку зачастую подобные записи уничтожались через какое-то время как ненужные, каждая такая находка очень важна для историка повседневности. Тетради за 1926 и 1927 гг. сохранились в архиве академика, замечательного историка М.В. Нечкиной. в 1926 г. она вышла замуж за химика Д.А. Эпштейна и начала вести семейный бюджет: записи о доходах и расходах вносились нерегулярно (иногда отмечалась каждая мелочь, иногда, наоборот, долгое время не фиксировалось ничего). М.В. Нечкина заполняла тетради очень эмоционально, нередко сухая информация сопровождалась метким комментарием, многое рассказывающим об отношениях между супругами. Очевидно, что ведение семейного бюджета для М.В. Нечкиной обуславливалось необходимостью экономить. Тетрадь зафиксировала, во-первых, нерегулярность доходов молодой семьи научных работников (и М.В. Нечкина, и Д.А. Эпштейн работали сразу в нескольких местах, иногда получали гонорары за публикации), а во-вторых, их неравномерность (доход супругов отличался от месяца к месяцу, иногда больший вклад в бюджет вносила М.В. Нечкина, иногда Д.А. Эпштейн). Периодически М.В. Нечкина язвительно комментировала свои попытки просить у мужа денег:

Додка дал из НКП (Народный комиссариат просвещения. – О.С.) (я выплакала, а то не давал) 70 р.;

Додка дал из своей зарплаты в НКП за первую половину октября (сам дал!) 75 р.;

Додка схватил со злобой на книги для доклада 5 р.;

Додка дал червонец «на виноград» (а мне послышалось «в награду»);

Додка подал 12 коп.;

У Додки «выменяла» на пятирублевку без отдачи последней 3 р.;

Додка дал из обоих жалований (о ужас – 70 р.) (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272. Л. 10–61).

Доход каждого из супругов был на уровне и даже немного выше средней заработной платы служащих (и значительно выше рабочих промышленного сектора) (Головин 2008: 179) – в среднем в месяц они получали 90 руб. каждый, но в удачные периоды, при учете всех гонораров, доход семьи мог достигать 500 руб. в месяц. Тем не менее денег постоянно не хватало. Д.А. Эпштейн и М.В. Нечкина не стеснялись брать в долг у знакомых небольшие суммы, но и сами охотно финансово помогали друзьям. Отдельной и регулярной статьей расхода была помощь родителям: Милица Васильевна ежемесячно отсылала в Казань деньги своей матери и ухаживавшей за ней старенькой няне Фене – не менее 60 руб. (чаще 80 или 100 руб.) и 40 руб. родителям мужа. Супруги регулярно ходили в театр или кино, покупали книги по профессии (на книги уходило 4–5 руб. в месяц) (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272. Л. 61) и иные материалы для работы (бумагу, каталожный ящик, карточки, лабораторный халат). Молодая семья привлекала помощников по хозяйству: у них работала девушка, которая стирала, убиралась и готовила («На стиранию» выдавали от 2 до 5 руб. в день.), были полотер, столяр и др. От прислуги супруги никогда не отказывались (переехав в Москву из Казани, М.В. Нечкина, даже живя одна, всегда имела домашнюю работницу). в этом вопросе Д.А. Эпштейн и М.В. Нечкина занимали принципиальную позицию: Милица Васильевна не должна была отвлекаться на домашние дела, чтобы больше времени посвящать научной работе и, соответственно, больше зарабатывать. Хотя далеко не все расходы фиксировались, М.В. Нечкина отдельно обозначала покупку дорогих продуктов: шоколада британской фирмы «Наполитен», икры, мандаринов, винограда, лососины. Возможность купить зимнюю одежду или мебель у супругов появлялась только после получения гонораров за статьи.

Изредка молодая семья приобретала дорогие вещи. Так, в 1927 г. Милица Васильевна купила мужу в подарок фотоаппарат (стоил «почти 100 рублей – 92 р. 50 к.» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 24]), отдав за него почти всю свою месячную зарплату. Писала она о своей покупке так: «Вы и Яков лопнете – ты от счастья, Яков от зависти <...> в момент решения его купить у меня было 40 рублей, я заняла 50 у мамы и купила, и в тот же день ты, поддерживая свою репутацию идеального мужа, прислал мне 70. Из них я 40 отдала маме...» (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 26). Государственная политика поддержки научных работников и открывавшиеся возможности для карьерного роста (Пушкарева 2016: 80–82) серьезно отражались на повседневной жизни ученых: росла их покупательная способность, приобретались красивая мебель и редкие книги (М.В. Нечкина в письмах мужу, смеясь, называла это проявлением своей «мелкобуржуазной натуры» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 166] и удивлялась тому, «каким количеством барахла могут обладать два человека» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 153об.]). Во многом благодаря высоким доходам семье ученых удавалось избегать конфликтов: в тяжелых финансовых условиях Милица Васильевна не готова была терпеть неравный вклад в семейный бюджет (характерной для семей советских академиков была ситуация, когда жена не работала, а организовывала быт мужа, занимаясь домашним хозяйством). Союз Д.А. Эпштейна и М.В. Нечкиной нельзя назвать абсолютно типичным для советской научной среды – все-таки женщин-академиков было крайне мало. Тем не менее тетрадь доходов и расходов этой молодой семьи высвечивает основные финансовые вызовы, с которыми в большей или меньшей степени сталкивались все женщины-историки XIX – начала XX в.: нерегулярность доходов, необходимость жестко разграничивать

профессиональную деятельность и домашние обязанности, решение экономических проблем, возникающих в семье (именно на женщине лежала основная ответственность за обеспечение своих близких).

* * *

Таким образом, можно выделить следующие особенности экономического поведения женщин-историков XIX – начала XX в.:

- представительницы первого поколения зачастую воспринимали занятия наукой как аналог литературной работы или предпринимательства. Они вынуждены были изыскивать возможности для получения дохода от своей профессиональной деятельности (публикации переводов, статей, книг), для чего необходимо было постоянно развивать свои компетенции – осваивать новые языки, обучаться методам исторических исследований;
- представительницы второго поколения работали в условиях более жесткой конкуренции как с мужчинами, так и с женщинами-коллегами, и также были вынуждены серьезно вкладываться в свое образование. Институционализация женщин в академической среде привела к тому, что лучшие из них получили возможность преподавать на Высших женских курсах и смогли значительно повысить уровень своего дохода. Тем не менее профессиональные издания продолжали относиться к публикационной активности женщин с осторожностью. Финансовое положение почти всех исследовательниц резко ухудшилось с приходом советской власти, лишь немногие сохранили преподавательскую работу;
- только к середине 1920-х годов женщины-ученые смогли поправить свое материальное положение. Тем не менее «красная профессура» испытывала на себе социальную нестабильность, характерную для постреволюционного периода, и трудности совмещения научной работы и работы по дому, что негативно влияло на профессиональный рост и развитие женщин-ученых довоенной эпохи.

Источники и материалы

АГЭ – Отдел рукописей (архив) Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 63 (Н.Д. Флиттнер). Оп. 1. Д. 4, 6.

Андрияшев 1875 – Андрияшев А.Ф. Начальное обучение грамоте по звуковому способу. Киев: ред. Киев. нар. календаря, 1875.

АРАН – Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1820 (М.В. Нечкина). Оп. 1. Д. 272, 452.

Белозерская 1913 – Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т. 132. С. 925–937.

Быков 1878 – Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И. Ишимова // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 2. № 8. С. 316–321.

Гутнова 2001 – Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001.

Достоевский 2008 – Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. 1, 2. М.: Авторская книга, 2008.

Дроз 1831 – Дроз И. Искусство быть счастливым. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1831.

Житомирская 2008 – Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2008.

Купер 1832 – Купер Дж.Ф. Красный морской разбойник: Повесть Фенимора Купера, авт.

- «Кормчего» и проч. СПб.: тип. А. Смирдина, 1832.
- Литвинова 1877 – Литвинова П.Я.* Азбука для народных школ: Сост. по звуковому способу для нагляд. обучения П. Литвиновой. Киев: тип. С.Т. Еремеева, 1877.
- Лобач-Жученко 1983 – Лобач-Жученко Б.* Літопис життя і творчості Марка Вовчка. Київ: Дніпро, 1983.
- Нюберг б.г. – Нюберг И.К.* Доисторическое // Сайт «Семейная мозаика». <http://rautian.ru/?story&id=830> (дата обращения: 01.12.2020).
- Общий обзор... 1866 – Общий обзор Демидовских наград за все время их существования с 1831 по 1864 год // Тридцать четвертое, и последнее, присуждение учреждённых П.Н. Демидовым наград. СПб., 1866. С. 21–56.
- РГАЛИ– Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 569 (Е.Н. Щепкина). Оп. 2. Д. 1, 3.
- Семевский 1883 – Семевский М.И.* Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из рус. истории Ми-хаила Семевского. СПб.: ред. журн. «Рус. Старина», 1883.
- Спаська 1928 – Спаська І.* Пелагея Яковівна Литвинова: нарис її життя та праці за її рукопи-сами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 168–199.
- СПбФ АРАН– Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 885 (И.И. Любименко). Оп. 1. Д. 202. Л. 336.
- Уварова 2005 – Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Са-башниковых, 2005.
- ЦГИА – Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 113 (Петроградские Высшие женские курсы). Оп. 5. Д. 16.
- Эйкин 1833 – Эйкин Д.* Семейные вечера, или Собрание полезных и приятных рассказов для юношества. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1833.

Научная литература

- Головин С.А.* Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 177–186.
- Долгова Е.А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 2020.
- Кантимирова Р.И.* Проект уфимского губернатора П.А. Полторацкого (1883–1889) по совершенствованию работы органов местного управления // Научный диалог. 2018. № 6. С. 143–153.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестник Пермского ун-та. Се-рия: История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.
- Пушкарева Н.Л.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских уче-ных в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82.
- Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории РАН, 2008.
- Сидорова Л.А.* “Эффект Магфея” в советской исторической науке 1920–1930-х гг. // Россий-ская история. 2017. № 4. С. 84–102.
- Zorin A., Korchmina E.S.* Karamzin and Money // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59. No. 1. P. 117–140.

Sekenova, Olga I.

Professional Income and the Patterns of Economic Behavior of Russian Female Historians of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/201-214

The article focuses on the transformation of the everyday professional life of Russian female historians of the second half of the 19th century – 1920s through the prism of changes in their professional income and patterns of economic behavior. Based on ego-documentary sources, documents on the academic salaries, and the preserved records of income and expenses belonging to female historians, the study analyzed the impact of career changes on their income, the structure of expenses, and the issues of family budget management among scientists. The generational approach allows us to see the differences in the economic behavior of women historians of different generations. The first generation often perceived science as an equivalent of literary work or entrepreneurial activity, using paid publications as a source of income, which required increasing their competitiveness - learning new languages and mastering historical research methods. The second generation of Russian female historians had to work under a tougher competition; both men and other female students had to invest heavily in their education. In the late XIX – early XX centuries, women's part in the academic environment was institutionalized, so the best of them could work as teachers in the Higher Courses for Women, which provided them with a much higher income. With the establishment of the Soviet Union, almost all female researchers suffered a dramatic setback in their financial situation, and only a few of them were able to keep their teaching jobs. Only in the mid-1920s, the third generation of female historians who belonged to the “red professors” felt the improvement in the financial situation; nevertheless, social instability and the need to combine scientific work with the “second shift” consisting of housework continued to affect professional growth and development of many female scientists of the pre-war era.

Keywords: *female historians, economic behavior, everyday history*

For Citation: Sekenova, O.I. 2021. Professional Income and the Patterns of Economic Behavior of Russian Female Historians of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 201–214.

Author Info: **Sekenova, Olga I.** – Senior Lecturer, Tula State Pedagogical University (Tula, RF). E-mail: jkzkzray@mail.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Dolgova, E.A. 2020. *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of the Soviet Science: Scientists in 1920–1930^s]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.
- Golovin, S.A. 2008. Imushchestvennaia differentsiatsiia dokhodov naseleniia SSSR v 20–30-e gody XX veka [Property Differentiation of Household Income in the USSR in the 1920–1930^s]. *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena* 66: 177–186.
- Kantimirova, R.I. 2018. Proekt ufimskogo gubernatora P.A. Poltoratskogo (1883–1889) po sover-

- shenstvovaniiu raboty organov mestnogo upravleniia [Project of Ufa Governor P.A. Poltorarsky (1883–1889) on Improving the Work of Local Authorities]. *Nauchnyi dialog* 6: 143–153.
- Pushkareva, N.L. 2012. Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1810–1917 gg. [Women-Historians in Russia in 1810–1917]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Istoriiia* 1 (18): 228–245.
- Pushkareva, N.L. 2016. Kogda zarplaty byli bol'shimi: material'noe pooshchrenie sovetskikh uchenykh v 1921–1953 gg. [When Salaries were Really Big: Material Incentives for Soviet Scientists, 1921–1953]. *Rossiiskaia istoriia* 6: 69–82.
- Sidorova, L.A. 2008. *Sovetskaia istoricheskaia nauka serediny XX veka: sintez trekh pokolenii istorikov* [Soviet Historical Science in the Middle of XX Century: The Synthesis of 3 Generation of Historians]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN.
- Sidorova, L.A. 2017. “Effekt Matfeia” v sovetskoii istoricheskoi nauke 1920–1930-kh gg. [“The Matthew effect” in Soviet Historiography of the 1920–1930s]. *Rossiiskaia istoriia* 4: 84–102.
- Zorin, A., and E.S. Korchmina. 2018. Karamzin and Money. *Cahiers du Monde Russe* 59 (1): 117–140.